

ВОСПРИЯТИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

**Макимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е.,
Барнаул (Россия)**

Аннотация: Представления о гражданственности являются важной частью гражданской идентичности, их содержание соотносится с реализуемыми в стране государство- и нацистроительными проектами, развитием демократии и гражданского общества. На основе результатов социологических и психосемантических исследований в российских регионах, проведённых в период 2014-2019 гг., авторы исследуют структуру нормативных представлений о гражданстве в их взаимосвязи с существующими в сознании населения гражданскими образами различной степени генерализации и опытом гражданской активности, проводят параллели между типичными практиками гражданского участия и характеристиками гражданского самосознания.

Ключевые слова: гражданственность, гражданское участие, гражданская идентичность, образ «идеального гражданина», современный российский регион, психосемантика, социальные установки.

CIVICNESS PERCEPTION AND PRACTICES OF CIVIC ENGAGEMENT IN REGIONS OF RUSSIA

Maximova S.G., Omelchenko D.A., Noyanzina O.E., Barnaul (Russia)

Abstract: Notions and interpretations of citizenship constitute an important part of civic identity, their content is correlated with State and nation-building projects, development of democracy and civil society. Based on the results of sociological and psychosemantic studies in Russian regions, conducted in 2014-2019, authors investigate the structure of normative representations about citizenship along with civic images of different generalization existing in the conscience of population and experience of civic activity, draw parallels with typical model of civic participation and characteristics of civic consciousness.

Keywords: civicness, citizenship, civic engagement, civic identity, image of good citizen, contemporary Russian region social attitudes.

Глобальные ориентиры на устойчивое развитие и повышение управляемости современных обществ, их способности противостоять цивилизационным вызовам и угрозам обусловили пересмотр содержания понятий «гражданство», «гражданская идентичность», «гражданская активность», акцент в интерпретации которых сместился в сторону признания значимости субъективных факторов для развития современных демократических государств. Сформировался устойчивый спрос на формирование и развитие гражданственности как интегральной характеристики личности и универсальной метакомпетенции, обеспечивающей эффективное взаимодействие между индивидами и обществом, обществом и государством, что, в свою очередь определило запрос со стороны научного сообщества на развитие новой теории гражданства, сфокусированной на идентичности и индивидуальном поведении граждан, включая восприятие ими своей ответственности и обязанностей, лояльности и ролей [10].

В развитых странах мира, в том числе и в России, гражданское образование объявлено в качестве важнейшего образовательного императива, призванного подготовить молодое поколение к защите гражданских, демократических прав и свобод, ответственному выполнению гражданских обязанностей. Так, например, в Англии, начиная с 2001 года, «Гражданство» включено в качестве обязательного предмета в Национальную учебную программу, во Франции такой цикл носит название «Гражданское, юридическое и социальное образование» – ECJS [12], в США возможности гражданского воспитания и сотрудничества образовательных учреждений с государственными учреждениями и местными сообществами обеспечиваются новым законом об образовании (2015) – ESSA (Every Student Succeeds Act). В Китае существует собственный особый вариант «народного воспитания» – *reopleship education*, в которой ключевая роль отводится государству и коммунистической партии, их гегемонии в формировании граждан особого типа – не ставящих под сомнение легитимность власти и сконцентрированных на экономических приоритетах [13]. Гражданское воспитание в России, к сожалению, находится на начальном этапе становления [1], оно в значительной степени испытывает влияние разнонаправленных процессов демократизации и нациестроительства, слабо способствует развитию критического мышления и в большей степени сконцентрировано на идеях национальной консолидации и социального служения в духе традиционного патриотизма [3].

В результате сложных политических и экономических трансформаций, смены идеологий, обесценивания и попыток придания нового смысла национальным идеям, россияне имеют сложную структуру знаний, взглядов, ценностных ориентаций и поведенческих установок. Как отмечает И.Н. Трофимова, эта структура отличается внутренней противоречивостью, амбивалентностью своего проявления в различных ситуациях, что во многом обуславливает конфликтный характер всего спектра социально-политических взаимодействий [9]. Современный этап становления российской модели гражданственности, как отмечает ряд российских учёных, имеет следующие основные черты: слабая ориентация на нелиберальные варианты гражданственности и активный поиск «собственного пути», развитие «гражданственности российского типа»; осознание необходимости существования объединяющих ценностей, российской национальной идеи, основанной на принципах патриотизма, духовности, правовой культуры; признание активной роли государства в процессе структурирования гражданской сферы общества; активизация идеологической и социализационной функции государства; восстановление разрушенного гражданско-патриотического воспитания; активная роль гражданских структур, в процессе институционализации которых происходит репрезентация нравственных ценностей, вырабатываются модели поведения (гражданские роли) [2, с. 45]. Таким образом, под гражданственностью чаще всего понимается, во-первых, нравственное качество личности, имеющее в своей основе идею гражданского долга, «радение об общественном благе», во-вторых, сопричастность человека к своему народу, его истории, культуре, традициям, предполагающая ответственность за прошлое, настоящее и будущее России (сильная национально-гражданская идентичность), и, в-третьих, активная социальная позиция, готовность участвовать в делах общества [4].

Проблематика гражданской идентичности, гражданского сознания и поведения много лет находится в фокусе наших научных исследований³, где она исследуется во взаимосвязи с другими социальными идентичностями жителей России, проявлениями патриотизма и национализма, развитием гражданского общества, интеграционными и инклюзивно-эксклюзивными процессами [см.,

³ Имеются в виду научные исследования и проекты, реализованные учёными факультета социологии АлтГУ под руководством профессора С.Г. Максимовой в период 2004–2019 гг.

например, 6, 7, 11]. Их результаты показывают не только актуальный срез общественного сознания в определенный момент времени, они позволяют отследить динамику и описать региональные особенности указанных явлений, сопоставить их с общенациональной ситуацией.

Анализируя данные социологических опросов, мы пришли к выводу о тесной взаимосвязи между имеющимися в сознании населения нормативно-оценочными представлениями о гражданстве, выраженностью гражданской идентичности и определяющими их социоструктурными факторами, характеризующими уровень социальной дифференциации, социально-экономического благополучия и безопасности региональных социумов. Являясь усредненными, сформированными под воздействием социальных институтов (прежде всего – семьи, образования, СМИ и массовой культуры) образцами, вобравшими в себя интериоризированные знания, нормы, ценности, роли и модели поведения, эти представления имеют ядерные, сущностные, изменяющиеся только в ходе кардинальных, тектонических переломов в социальной и политической жизни социума, и периферийные черты, наличие или отсутствие которых как раз и показывает уникальность той или иной социальной группы, поколения или территории. Представим некоторые результаты проведенных исследований для иллюстрации данного тезиса.

Как российские, так и зарубежные исследователи, исследуя процессы вовлечения граждан в решение общественных проблем на местном, региональном, страновом и даже глобальном уровне, часто на первое место ставят вопросы о том, что значит быть хорошим или идеальным гражданином? Как меняются эти нормы «идеального гражданства» во времени и пространстве? О чем свидетельствуют данные изменения и какое влияние они оказывают на функционирование демократических институтов, гражданского общества и государства?

В 2014–2015 гг. в пяти регионах России (Амурская область, Еврейская автономная область, Республика Карелия, Республика Алтай, Алтайский край, n=500, возраст от 15 до 75 лет) мы изучали содержание категориальных структур общественного сознания на основе анализа ментальных образов, играющих важную роль в гражданской идентификации. Респонденты, используя шкалы семантического дифференциала, сопоставляли свое гражданское «Я» с образами «обычного гражданина России», «гражданина своего региона», «космополита, человека мира», «идеального гражданина».

Как показали результаты исследования, «ядро» представлений об идеальном гражданине состояло из эмоционально-оценочных и когнитивных элементов, отражающих традиционное для российской ментальности понимание «гражданского долга», в обязательном порядке предполагающего проявление патриотических чувств, социальное служение, самопожертвование. Быть идеальным гражданином означало испытывать гордость за страну и её достижения, быть законопослушным, ощущать единство и солидарность с жителями России и хорошо знать историю своего народа, своей страны (средние значения выше 6,5 баллов по 7-балльной шкале). К этим характеристикам тесно примыкали (ср. значения от 5,9 до 6,5 баллов) обязательное участие в выборах и знание своих прав, оптимизм и вера в достойное будущее своей Родины, знание содержания и смысла национальной символики, готовность защищать свою страну с оружием в руках и исполнять воинскую обязанность, активно интересоваться политикой и участвовать в общественной жизни, бороться против несправедливости, испытывая при этом доверие к органам государственной власти. Периферийными, факультативными чертами «идеального гражданина» являлись: членство в общественно-политических организациях, использование национальной символики в повседневной жизни, привязанность к «малой Родине». Наибольшие противоречия вызвали такие характеристики, как: приверженность коллективистским ценностям, приоритет общественных интересов над личными, самодостаточность («надеется только на себя») и проявление нетерпимости к альтернативным мнениям о стране, её гражданах (средние значения близки к середине шкалы – от 3,5 до 4,5). В их оценке ярко проявился переходный характер общественных настроений, отрицание советских, патерналистских способов мышления и самоидентификации, и частичное принятие «новых», постиндустриальных и навеянных глобализацией ценностей индивидуализма и толерантности, изменчивости гражданской идентификации (гражданство не только по рождению, быть патриотом и хорошим гражданином можно не только в «своем Отечестве» и т.д.).

В ходе сравнительного анализа по регионам практически по всем значимым характеристикам «выпадала» Амурская область, репрезентирующая дальневосточную, проблемную во многих отношениях, часть России, где образ «идеального гражданина» имел достоверно более низкие показатели солидарности, законопослушности и оптимизма, гордости и высоких знаний истории и

национальной символики, интереса к политике и социальной активности, чем в других регионах. Одновременно с этим, в Амурской области наряду с Республикой Карелия (а также в имеющей пограничные значения Еврейской автономной области), оказались более сильны тенденции исключения из норм идеального гражданства воинской обязанности, привязки к определенной территории (особенно в ЕАО) и распространены ценности индивидуализма и терпимости к чужому мнению, чем в Республике Алтай и Алтайском крае.

Нюансы восприятия и их территориальные отличия еще более четко прослеживались в результатах сравнительного анализа оцениваемых ролей. По данным корреляционного анализа, самовосприятие носило ярко выраженный региональный характер, что проявилось в значительной близости оценок по образам «Я-гражданин» и «Гражданин моего региона» ($r > 0,9$ во всех регионах, кроме Республики Алтай, где наибольшая корреляция «Я-образа» наблюдалась с «Идеальным гражданином»). Образ «космополита, гражданина мира» являлся скорее отрицательным, не привлекательным для идентификации, что согласовывалось с результатами тех исследований, в которых подчеркивалась непреходящая значимость национально-государственной принадлежности для современного человека [5, 8]. При этом разрыв между идеальным образом и самооценкой был довольно высок, опрошенные жители регионов не имели иллюзий и четко осознавали, что их образ жизни не соответствует существующим в их же сознании стереотипам. В большей степени различия касались возможности жить так, чтобы «надеяться только на себя» (то есть обычный гражданин вынужден опираться на государство), знаний о своих правах и усилий по борьбе с несправедливостью, использования национальной символики в повседневной жизни, и, что особенно важно, одобрения политического курса руководства (для образа «идеального гражданина» ср. знач. – 6,0, тогда как для образов «обычный гражданин России» и «гражданин моего региона» – 3,7–3,8). Респонденты считали себя в большей степени эгоистичными и недостаточно активными в защите страны от «недостойного, неуважительного к ней отношения», чем описываемые ими «идеальные граждане».

Социологические и психосемантические исследования, проведенные в 2019 году, во многом подтвердили прошлые выводы. Одновременно с этим, новые данные позволили глубже исследовать вариабельность мнений и выявить взаимосвязь между оценкой гражданских образов и практиками гражданского участия.

Так, в ходе социологических опросов в трех сибирских регионах (Алтайский край, Новосибирская область и Республика Алтай, n=1418, возраст от 18 до 75 лет) респондентов просили охарактеризовать образ мыслей и поведения «истинного гражданина» (использовались биполярные семибалльные шкалы). Триада наиболее значимых характеристик спустя пять лет также включала обязательность соблюдения законов (52,2% суммарных выборов значений шкалы, близких к соответствующему полюсу), исполнение воинского долга в случае чрезвычайной ситуации (50,6%), знание истории своей страны, своего народа (50,5%), однако, теперь на первое место выдвинулась личная ответственность за свои действия и поступки (59,7%). При этом, даже базовые качества и требования оценивались разными группами населения по-разному. Особенно ярко проявились поколенческие, образовательные и имущественные различия: среди молодежи до 24 лет было на 7–12% меньше приверженцев верховенства закона и на 10–14% меньше тех, кто считал, что истинный гражданин обязан защищать свою страну с оружием в руках. Молодые люди, наряду с респондентами с низким уровнем образования и высокой самооценкой материального положения, также считали менее важными изучение истории своей страны и несение личной ответственности за свои действия и поступки, равно как они не чувствовали ответственности за то, что происходит в том месте, где они проживают, в их регионе и стране. Большую значимость гражданской ответственности придавали более образованные граждане и представители «среднего класса» (64,0%).

Второй по значимости блок характеристик (40–45% выборов) включал проявления гражданской солидарности и ощущение своей принадлежности к гражданской общности, высокую электоральную активность и хорошие правовые знания, патриотические чувства (согласие с утверждениями «Граждане страны должны составлять единую нацию и проявлять солидарность друг к другу», «Участие в выборах – долг каждого гражданина», «Гражданин должен хорошо знать свои права и обязанности и всеми средствами бороться против несправедливости», «Гражданин страны – это звучит гордо», «Все граждане испытывают чувство гордости, когда видят, как поднимается государственный флаг, исполняется гимн»). Наряду с эмоциональной привязанности к своему народу и трепетному отношению национальным символам, исследование выявило существенную дистанцированность граждан от государственной системы, традиционных институтов репрезентативной демократии: более

40% опрошенных граждан выразили уверенность в том, что их интересы должны быть защищены от вмешательства государства (и это позиция истинного гражданина), 35,2% – считали, что граждане не обязаны быть согласными с руководством государства (и только 23% – что граждане должны разделять политический курс лидера), более трети – согласились с тем, что «политика – это грязное дело» и быть истинным гражданином можно и вне политики. Кроме того, от 20 до 26% граждан считали приемлемым покинуть страну в тяжёлый, кризисный период, соглашались, что усилия по противодействию противоправным поступкам тщетны и что солидарность между гражданами страны невозможна, как невозможно и преодоление социального и экономического неравенства, считали, что для человека гораздо важнее ощущать себя личностью, а не гражданином страны, и что национальная символика – это лишь формальные атрибуты государства, а само гражданство – формальный статус, не вызывающий особых эмоций.

В ходе анализа практик гражданского участия нами были выделены шесть базовых моделей (паттернов), описывающих типичные способы реагирования на социально значимые проблемы и степень вовлеченности в общественно-политическую деятельность: *модель формализованного участия* (присущая около 27% опрошенных в трех регионах), в которой ведущую роль играли членство в общественных и политических организациях, выдвижение своей кандидатуры на выборах, участие в работе территориальных органов самоуправления, создание инициативных групп, организация публичных информационных или культурно-массовых мероприятий, волонтерская деятельность; *модель гуманитарной (конкретной, адресной) гражданской активности*, сфокусированной на оказании помощи людям в трудной жизненной ситуации и зооволонтерстве (41%); *модель виртуального участия* (23%), представленная разнообразными проявлениями информационной активности в Интернете (от подписания петиций и использования специализированных приложений и программ, до комментирования в форумах и чатах); *модель традиционной и контактной коммуникации* (23,2%), в которой главными способами решения проблем официальные каналы обращения граждан к органам власти и создание информационных поводов в СМИ; *модель молчаливого зрителя*, где участие граждан в общественной жизни было ограничено проявлением информационного интереса к политике и участием в выборах; и *модель протестного поведения* (29,8%), для которой было характерно активное участие в по-

литических мероприятиях, как в качестве наблюдающего зрителя (посещение дебатов, дискуссий, встреч с политическими деятелями), так непосредственного участника и субъекта событий (участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста, политический консьюмеризм).

Дальнейший анализ показал, что предпочтение той или иной модели имеет четкую взаимосвязь с представлениями о поведении «истинного гражданина». На одном полюсе континуума различий находились адепты модели молчаливого зрителя (из них более трети относились к старшему поколению), для которых была характерна гиперболизация всех требований, кроме участия в общественно-политических организациях, и поощрение вмешательства государства в частную жизнь граждан, а на другом полюсе – сторонники модели протестного участия, которые не имели каких-либо особенных представлений о гражданстве, то есть данная модель и группа респондентов имела различные представления и убеждения, не выделяющие их среди других моделей и групп. Промежуточными вариантами выступали модель формализованного участия, которой был присущ отход от патернализма во взаимоотношениях с государственными институтами, акцент на ассоциативных формах гражданской активности (что нашло непосредственное отражение в содержании самой модели) и допущение о вмешательстве государства в частные дела для общественного блага (эта черта была ведущей для модели коммуникативного и контактного участия). Основными чертами модели гуманитарной активности являлись: опора на солидарность, обязательность выполнения воинского долга, высокий уровень личной ответственности, гордость и патриотизм, ориентация на собственные силы и общественные интересы («каждый должен думать не только о себе»). Принципиально иные позиции разделяли «цифровики» (среди которых 58,7% - молодые люди до 35 лет), не признающие возможность социальной солидарности и единства нации и целесообразность общественно-политических движений, выступающие за защиту страны с помощью профессиональной армией и отмену воинской повинности, довольно цинично полагающие, что гражданство – это всего лишь формальный статус и не испытывающие пиетета перед национальными символами. Таким образом, несмотря на некоторую общность целей (все модели были в конечном итоге направлены на решение социальных проблем и повышение качества жизни людей), разнообразные проявления гражданской активности в исследуемых регионах зачастую

соотносились с различными мировоззренческими принципами и разделяемыми ценностями, репрезентировали разные возрастные и статусные группы.

Дополняющие социологические опросы психосемантические эксперименты (в каждом регионе опрошено по 100 респондентов от 18 до 70 лет), позволили описать основные факторы, выступающие в качестве семантических «осей», вдоль которых происходила категоризация социальных представлений, и высчитать «координаты» как для исследуемых образов, так и для усредненных самооценок, релевантных социальным и категориальным группам. Два главных фактора отражали, с одной стороны, активную гражданскую позицию, для которой было характерно доверие к органам власти и интерес к политике, обязательное участие в выборах, и, в целом, в общественной жизни, осознание личной ответственности за то, что происходит вокруг, необходимости исполнения гражданских обязанностей, увязка своего благополучия с судьбой страны (партиципаторное гражданство vs пассивное критичное гражданство – первый фактор) и, с другой стороны, гражданский оптимизм, укрепленный патриотическими чувствами (гордость за свою страну, свой народ) и верой в государственные институты, которые должны обеспечить своим гражданам достойное будущее (сильная гражданская идентичность и оптимизм vs слабая гражданская идентичность и формализм – второй фактор).

Семантическое пространство, в котором нашли отражение основные оценки и различия, наглядно свидетельствовало о существующих социальных противоречиях и разногласиях граждан относительно содержания гражданских образов, оценки возможностей повлиять на политику государства, способности проявить свою социальную субъектность. В левом нижнем квадранте расположены позиции групп, находящиеся в наименее благоприятных обстоятельствах в свете смысла, заложенного в факторах (отрицательных значения по обоим факторам). Речь идет в целом о «жителях России», так как их оценивали респонденты, «жителях региона», а также об отдельных социальных группах – «безработных», «студентах», «молодежи до 29 лет». Именно у них наблюдались наибольшие проблемы как с гражданской солидарностью и оптимизмом (второй фактор), так и с гражданским участием (первый фактор). В относительно благоприятной позиции как наиболее близкие по своим оценкам к «идеальному гражданину» находились лишь респонденты, принадлежащие по своему социальному статусу к категории руководителей, предпринимателей и бизнес-

менов, жители Республики Алтай, пенсионеры (хотя и у них значения по первому фактору были близки к нулевым). В других группах самооценка была сходной к средним значениям позиции «Я-гражданин», оцененный в более выгодное свете, чем «жители России» и «жители региона», но далёкие от идеальных представлений о гражданстве. В то же время, у мужчин и сельских жителей были ощутимо ниже, тогда как у представителей других национальностей при достаточно высоких значениях первого фактора, практически на уровне «руководителей и бизнесменов», по второму фактору (гражданской солидарности и идентификации) – позиция находилась в отрицательной зоне.

В целом, обобщая полученные результаты отметим следующие значимые результаты исследования:

- восприятие гражданственности как интегральной характеристики личности и общества в значительной степени носит инерционный, традиционалистский характер, подчеркивающий значимую роль гражданского долга, национального патриотизма и ориентацию на политические (государственные) авторитеты. Большинство респондентов представляют истинных граждан скорее подданными, обязанными с достоинством исполнить свою гражданскую роль, нежели деятельными гражданами, защищающими свои права и способными инициировать реальные общественные изменения. В то же время, исследования показывают рост гражданского самосознания и личной ответственности, критического мышления. Для молодежи, к сожалению, характерно не только отрицание традиционных гражданских ролей, но и в целом отторжение гражданства как такового, оно представляется в качестве «формального бремени», большая часть активности оторвана от местного сообщества и проявляется в виртуальном виде;

- высокий разрыв между нормативными представлениями и самооценкой граждан свидетельствует о неудовлетворенности тем, как они сами реализуют себя как граждане. Отношения между гражданами, гражданским обществом и государством воспринимаются как зависимые, ориентированные на выполнение обязанностей, однонаправленные (от государства к гражданам). Высокая степень пассивности и недоверие к власти коррелируют с довольно высоким уровнем солидарности, ощущением национального единства и верой в национальные символы;

- спектр практик гражданской активности весьма разнообразен, он включает как «низовые», в большей степени общественные проявления гражданственности, так и участие в профессиональ-

ной политической деятельности, включая её протестные формы. Предпочтение тех или иных практик имеет не только индивидуально-личностную и социально-психологическую детерминацию в виде предрасположенности к определенной активности и опору на соответствующие компетенции, но и структурируется институциональными условиями, специфичными для каждого региона.

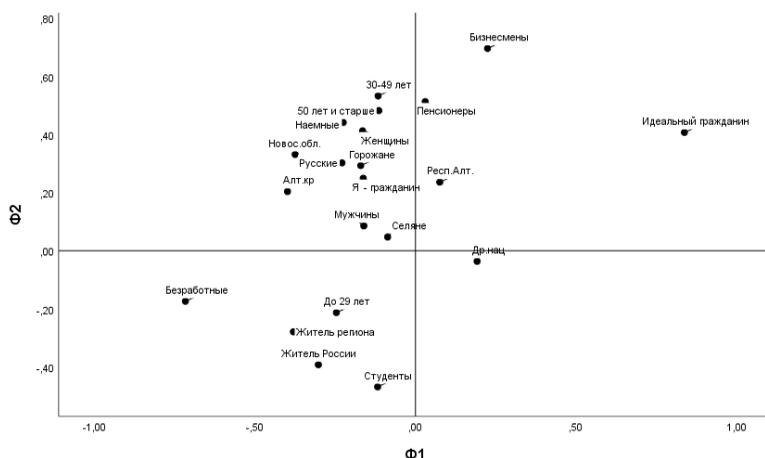

Рис. 1. Основные гражданские роли, социальные и категориальные группы респондентов в семантическом пространстве двух главных факторов

Работа выполнена в рамках выполнения гранта РФФИ № 19-011-31434 опн «Гражданская идентичность, гражданские инициативы и социальная активность населения как основа формирования гражданского общества в современной России».

Литература

1. Баранников А.В., Березина В.А. О гражданском образовании учащихся общеобразовательных учреждений Российской Федерации. Инструктивное письмо // Преподавание истории и обществознания в школе. 2003. № 6. С. 16–23.
2. Гаврилюк В.В., Маленков В.В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 44–50.
3. Захра С.М. Гражданское воспитание как форма проявления демократизации и процесса нациестроительства в России // Вест-

ник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 3 (39).

4. Колесникова Е.Ю., Лубский А.В. Патриотизм и гражданственность в молодежной среде на Юге России: парадигмы социологических исследований // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 5.

5. Куропятник А.И. Мультикультурализм, нация, идентичность (перспективы мультикультурного развития России) // Глобализация и культура: аналитический подход. 2003. С. 126–150.

6. Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Патриотизм и национализм: ментальные репрезентации и поведенческие стратегии населения регионов азиатского приграничья современной России. Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2013.

7. Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Атясова, Н.Ю. Гражданское самопознание и патриотизм современной молодежи // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2015. № 3(1). С. 18–21.

8. Тишков В.А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории/Под ред. В.А Тишкова, В.А Шнирельмана. 2007. С. 558–582.

9. Трофимова И.Н. Гражданская компетенция: государственная политика или возможности для гражданина // Россия реформирующаяся. 2015. № 13. С. 91–112.

10. Kymlicka W., Norman W. Return of the Citizen: A Survey of Recent Work on Citizenship Theory // Ethics 1994. 104(2). P. 352–381. doi:10.1086/293605

11. Maximova S., Maximov M., Noyanzina O., Omelchenko D., Goncharova N., Morkovkina A. Relation between civic attitudes, generalized and institutional trust in six regions of the Russian Federation // Journal of Management and Marketing Review. 2017. Vol. 2(1). P. 24–32.

12. Tutiaux-Guillon N. Civic, legal and social education in French Secondary School: Questions about a New Subject // JSSE-Journal of Social Science Education. 2002.URL: <http://www.biejournals.de/index.php/jsse/article/download/266/263> (дата обращения: 23.03.2019).

13. Xiao Y. China's peopleship education: Conceptual issues and policy analysis // Citizenship Teaching & Learning. 2012. Vol. 8(1). P. 21–39.